

Оглавление

Пролог

Обещал быть прекрасным

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Заставлять читателя ждать

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Извлечь из архива

47

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Это про нас книжка

75

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сократить можно всё и всегда

111

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Не зря мы в тебя верили

149

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
В жизни так не бывает
205

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
Будет больней
257

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
Вроде нашел
295

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
Люди должны знать
365

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
Останутся только убийцы
443

Эпилог
Возгорится пламя
503

Пролог

Обещал быть прекрасным

Наташа вышла из парикмахерской и покачнулась от удара солнца по глазам. Солнце польхало в половину неба. Ветерок прохладно гладил щёки. Пахло летом, счастьем и перспективами.

Наташа полюбовалась прической в отражении витрины, а заодно скользнула взглядом по безупречному, почти деловому и очень сексуальному летнему костюму, торжествующе улыбнулась и зацокала в сторону супермаркета. Первый шаг на пути покорения мужского сердца, так сказать. Выпью сегодня, подумала Наташа храбро. Может, оттого всё до сих пор и не складывалось, что слишком трезво смотрела на жизнь и на потенциальных спутников. Розовые очки в наших условиях необходимы.

Главное — не торопиться, как и положено солидной женщине и ответственному руководителю. Впрочем, торопиться на таких каблуках и в такой юбке было невозможно. Всё будет медленно и торжественно, подумала Наташа и прыснула. Щёки горели, а в животе, наоборот, клубилась сладкая прохлада.

Как дурочка молодая, подумала Наташа и поежилась от удовольствия и предвкушения.

День обещал быть прекрасным.

Хороший какой день, подумала Алла Михайловна. И долгий еще — до вечера успею со всем этим ужасом справиться.

Помидоры, фенхель и лук заняли весь стол, будто тактическая схема из кино про Чапаева. Чеснок, кулечки с шафраном и горошинами перца держались обозом, и отдельным лесом для засадного полка выглядела гряда тимьяна, петрушки и прочей зелени. А если не получится, подумала Алла Михайловна уныло. Вы подумайте, суп на ужин, да еще с анисовой водкой.

Солнце ловко разложило стол, кухню и мир по цветам, ярким и теплым. Помидоры перемигивались бликами с бутылками масла и болгарской мастики, зелень и приправы играли искрами, и даже куриная тушка будто приободрилась и расставила пухлые ножки с запоздалой жовиальностью.

Ну и ладно, решила Алла Михайловна, поколебавшись в последний раз. Горячее не бывает ни сырым, ни несъедобным. Андрейка скажет, что мамочка вместо каши из топора придумала суп из веника. Наташа ответит: «Шарик, ты буйабес», или что-нибудь в этом роде, и может раскапризничаться из-за водки в бульоне, но ножку всяко погрызет. Андрейка же слопаёт всё, что дадут, особенно если махнет остатки мастики.

Лишь бы приехали. Во внезапные шеф-поварские намерения Алла Михайловна детей не посвятила. Сюрприз будет. У Наташи в среду вечер обычно свободный, они номер накануне сдают. Андрейка тоже найдет, если захочет, способ заскочить к матери на часок. Если надо, я его майору — или кто там его начальник? — позвоню, чтобы не мучил ребенка. А пока кофе поставлю, авансом за смелость. С помидорами разберусь — и хряпну.

Ну, с богом.

Телефон заверещал — как положено, в самый неподходящий момент, когда Алла Михайловна снимала шкурку с третьего помидора. Она вздрогнула и чуть не стрельнула скользким томатом в стену — очень этот след украсил бы свежую бежевую краску.

Не вставая, Алла Михайловна перетерпела несколько трелей: надеялась, что звонящий окажется не слишком настырным. Наверняка резвился неизвестный олух, что взялся отвлекать ее дважды в день глупой тишиной в трубке.

Поняв, что телефон умолкнуть не собирается, она метнула грозный взгляд на кофейную турку, помалкивавшую пока на малом огне, сердито отложила раздетый помидор, едва не сунувшись пальцами в кастрюльку с кипятком, и пробормотала несколько слов по этому поводу. Бормотала Алла Михайловна уже на ходу, вытирая руки висевшим на плече вафельным полотенцем в такт шарканью тапок.

— Алло, — сказала она, торопливо подхватив трубку красного телефона, установленного на полочке в прихожей. — Я слуш... Да что такое второй день!

Алла Михайловна звучно вернула трубку на рычаги и, сердито глядя на нее, сказала:

— Андрейку на вас напущу, паразиты мелкие... Пожалее!

Подумав, она снова подняла трубку, прижала ее к уху плечом, раскрыла на заложенной странице лежащую рядом с телефоном ветхую записную книжку и, шурясь, принялась жать на поющие кнопки. Свет дотягивался до прихожей неубедительной кисеей.

Даже стой Алла Михайловна возле самого окна, вряд ли она всмотрелась бы в загороженный ветками выезд со двора и таксофон, торчащий в тени дома мрачно-красной чагой. И уж точно Алла Михайловна не нашла бы ничего интересного в невзрачном парне, лицо которого скрывали капюшон черного балахона и длинный темный козырек. Совсем неуместными были перчатки парня — белые строительные.

Заметить их было некому. Парень надавил первую кнопку, лишь дождавшись, пока пара мамочек соберет урожай отпрысков, возившихся в песочнице, и разойдется по подъездам, видимо, обедать.

Повесив трубку, он убрал бумажку с телефоном в карман, поправил капюшон и, не покидая тени дома и тополей, неторопливо направился к подъезду Аллы Михайловны.

Звонок застал Наташу на выходе из «Всех вкусов». Она выставила один из огромных пакетов перед собой, заставляя посторониться юную пару, и велела:

— Так, молодежь, не ломимся, пропускаем.

Девица замешкалась, пришлось зацепить ее пакетом потяжелее, с бутылками, и для верности пристукнуть веским взглядом, чтобы не вякала. Та и не вякнула — вцепилась в локоть ухажеру и торопливо увлекла его в магазин. Это правильно, подумала Наташа мимоходом, красота — страшная сила, в ней сидит умножение на массу.

Избочившись и разнообразно меняя занятые пакетами пальцы, Наташа принялась выковыривать из сумки надрывающийся телефон. Телефон придавливали баночки с мягким сыром и паштетами. Перекладывая их в пакеты под томное бляение Азнавура, стоящего на мамином звонке, было даже забавно. Проходим, которые с трудом избегали столкновения с Наташей и пакетами, забавно не было.

Наташа неловко выдернула телефон, раскрыла и прижала к плечу, в последний момент вспомнив вот так повести головой, чтобы не помять прическу, и зашагала под разговор.

— Да, мамуль, привет! Нормалек всё. Как сегодня? Нет, сегодня я не могу, у меня...

Она покосилась на выглядывающее из пакета горлышко винной бутылки, улыбнулась и поправила плечом телефон.

— Собрание у нас, мамуль. Я же говорила, нас с «Черной» объединяют. Да нет, там всё как договарива-

лись, меня в замредакторы, Мотылев подтвердил. Спасибо. Но сегодня никак. Завтра... нет, в пятницу — обязательно. Еда у тебя есть еще?

На том — а впрочем, единственном — конце провода Алла Михайловна ответила, пытаясь сердито хмуриться поверх довольной улыбки:

— Полно. С голоду-то не помру, не надейтесь. Руки пока слушаются, приготовлю.

— Ты у нас вообще самостоятельная.

— Самостоятельная, детям не нужная. Ты не можешь, Андрейка не может, совещания у вас вечно, планерки, командировки. У Андрейки уже гастрит, в его-то годы.

— Фигню потому что в рот тащит вечно.

— Такой уж он, чипсоед. А ты тоже жаловалась, между прочим.

— Когда это? — возмутилась Наташа.

— Когда-когда, студенткой.

— Что-то не помню такого.

— Я зато помню. И забочусь. Супчиком вас хотела угостить, французским, готовлю вот.

Наташа, снова метнув взгляд на пакеты и заодно на костюм, взмолилась:

— Мамуль, ну какой французский, вечером тем более! Не влезаю уже ни во что! Не вздумай. И в пятницу не вздумай.

Над ухом у Аллы Михайловны очень громко бимбонкнул дверной звонок. Она вздрогнула.

Наташа чуть замедлила шаг и уточнила:

— Это у тебя, в дверь? Спроси, кто. Из собеса? В глазок посмотри сперва.

— Ну что ты со мной как с маленькой. Я же у вас самостоятельная. Сейчас! Наташенька, подождешь секунду, пока я...

— Подожду, конечно.

Наташа сделала очередной шаг и чуть не повалилась, подвернув каблук.

Динамик взорвался громким невнятным грохотом и умолк.

Наташа застыла, смешно подхватывая пухловатым подбородком чуть не выскользнувшую трубку.

— Мама, — сказала Наташа, сглотнула и крикнула: — Мама!

Она с трудом перехватила телефон, уставилась на экран и нажала повтор вызова. Прижала трубку к уху, послушала короткие гудки, нажала повтор снова, отчаянно вздохнула и бросилась бежать изо всех сил.

Каблуки подворачивались, узкая юбка трещала, но Наташа мчалась, дыша всё громче и не глядя ни вперед, ни под ноги, ни по сторонам. Глядела только на экранчик телефона, выставленного в отягощенной пакетом руке, и раз за разом нажимала кнопки с красной и зеленой трубками.

Алла Михайловна ответить не могла. Телефон валялся на полу прихожей. Трубка, отлетевшая почти на всю длину витого шнура к полуоткрытой входной двери, ныла не коротко, а бесконечно. И так же бесконечно вторил ей почти неслышимый, если отойти на шаг, женский стон.

Руки в белых строительных перчатках прикрыли дверь, щелкнули замком и выдернули из телефона витой провод. Трубка приподнялась и снова брякнулась на пол. Гудение оборвалось, уступив звуку шагов и невнятному бормотанию. Стон перешел в сипение и быстрое шарканье по полу.

Наташа мчалась, не разбирая дороги. Мелькали дома, машины ревели клаксонами и визжали тормозами, орали не успевшие увернуться прохожие. У пакетов быстро оборвались ручки, расселась, ахнув, бутылка вина, торт шмякнулся следом, яблоки и апельсины покатались, задорно подпрыгивая, за Наташей, но быстро отстали, чавкнув под колесами напоследок.

Наташа стряхнула обрывки пакетов с рук, перехватила телефон, трясущейся рукой нашла номер и почти закричала сквозь судорожные вдохи, ускоряя бег почти до невозможности:

— Андрей, срочно приезжай к маме! С этими, с группой! Ты говорил сразу звонить, я и звоню! Какой ин-

фаркт! Напали, кажется! На маму! Не знаю, я по телефону с ней, потом в дверь позвонили, а потом оборвалось, и не отвечает! Только что! Я бегу сама! Скорей, да!

Она захлопнула телефон, вбежала в пустой по-прежнему двор хрущевки и отдышалась, упершись ладонью в полукабинку таксофона. Великолепие полностью растерялось: макияж поехал, юбка порвалась, а каблук качались, как последний молочный зуб.

— Мама, — прошептала Наташа, уставившись на окно третьего этажа.

В приоткрытой форточке лениво полоскалась занавеска.

Почти без остановок Наташа промчалась до третьего этажа, несколько раз вдавила кнопку звонка и тут же, тяжело дыша, полезла за ключами.

— Мама! — крикнула она, врываясь в горький запах квартиры. — Ты где?

Наташа споткнулась о красный корпус телефона. Тот отлетел и грохнул о стену.

Эхом хлопнуло окно в зале, а секундой позже донесли еле слышный шум падения и сдавленный возглас. Наташа рванула к окну, запуталась в занавеске, прикрывающей распахнутую створку, наконец высунулась почти по пояс и увидела, что по газону уходит прочь, прихрамывая, парень в черном и с капюшоном.

— Стой, гад! — рявкнула Наташа, едва удержав себя от прыжка с третьего этажа.

Парень не вздрогнул, не обернулся и не ускорил шаг.

— Да я сейчас тебя! — взвизгнула Наташа и бросилась к выходу, снова пнув телефон, корпус которого теперь раскололся.

В последний миг Наташа зацепилась взглядом за приоткрытую дверь ванной и остановилась, будто налетев на столб. Она заглянула в щель, словно нехотя.

— Мама, — сказала Наташа жалобно. — Это ты? Это ты?!

За окном нарастал звук сирены.

Всхлипнув, Наташа ввалилась в ванную.

Из подлетевшей к подъезду милицейской машины выскочили трое с пистолетами наизготовку и вбежали в подъезд, бухнув дверью. На шум удивительно быстро подтянулись зеваки — сперва пара старушек, потом соседи помоложе.

Милиционер-водитель, не выключив sireны, обошел машину, захлопнул пассажирскую дверь, не закрытую Андреем, и цыкнул на любопытных:

— Расходимся, спецоперация.

Он значительно оглядел народ, который попятился, но не разошелся, и тоже вбежал в подъезд.

Из окна третьего этажа донеслись шум, гомон и женские причитания. Старушки, задрав головы, жадно внимали, обмениваясь предположениями. Зевак всё прибывало.

Из подъезда выскочил Андрей, растолкал толпу и помчался через двор, вертя головой. Водитель и один из оперативников, выбежавшие следом, поспешно сели в машину. Она с ревом развернулась, едва не зацепив отшатнувшегося в последний момент дедка, и, взвизгнув, понеслась вдоль дома, вопя сиреной. Следом за ней побрел, прихрамывая, тощий парень с пакетом. Из пакета торчал черный капюшон.

Заплаканная Наташа, чуть не наткнувшись на оставшегося оперативника, увлеченного рацией, нетвердо прошла от ванной на кухню, машинально выключила газ, вхолостую бивший из залитой кофейной гущей конфорки под грязной туркой, и замерла у окна, бездумно глядя в небо под затихающую сирену. Парень с пакетом к тому времени из виду уже скрылся.

Всё равно, наверное, Наташа его не увидела бы сквозь слёзы, размазанную тушь и ослепительное солнце, которое светило изо всех сил.

День по-прежнему обещал быть прекрасным.

Не всем обещаниям следует верить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Заставлять читателя
ждать